

Неподалёку от отеля раскинулся небольшой парк.

Июнь в Фэнпине уже вовсю дышал зноем. В густых сумерках буйно цвел ночной жасмин: его фиолетовые гроздья теснились друг к другу, источая густой, почти хмельной аромат. Цинь Шу невольно поморщился.

Ци Юань поймал это мимолётное движение. Всё-таки они были разными: актёр обожал такие сильные запахи, ему нравилось чувствовать себя окутанным плотной пеленой благоухания.

— Не нравится? — спросил он. — Давай тогда прибавим шагу.

Ци Юань всегда поступал так, как ему вздумается, и столь чуткое внимание к чужому комфорту было для него редкостью.

Цинь Шу лишь покачал головой. И нежные, и тяжёлые ароматы по-своему прекрасны, если смотреть на них с любовью — точно так же, как и на самого Ци Юаня.

Актёр чуть крепче сжал пальцы партнёра. По правде говоря, цветочному благоуханию он предпочитал тот едва уловимый прохладный аромат, что исходил от Цинь Шу. Память о той встрече в переулке всё ещё была слишком яркой.

Цинь Шу вдруг нарушил тишину:

— Хочешь, я тебя обниму?

— Что? — Ци Юань замер, решив, что ослышался.

Цинь Шу раскрыл объятия, делом подтверждая свои слова. Он был здесь и готов был исполнить любое желание своего возлюбленного.

Оказавшись в его руках, Ци Юань на миг потерял связь с реальностью. Это чувство быстро сменилось другим: голова закружилась, а ноги стали словно ватными. Прижавшись щекой к плечу художника, он слушал его дыхание и размеренный стук сердца. Ему казалось, что в этом ритме он готов раствориться без остатка.

Цинь Шу ласково погладил его по спине. Взгляд его скользнул по извилистой тропинке, где в кустах на мгновение мелькнул отблеск объектива. Художник отвёл глаза и тихо проговорил:

— Ну всё, будет. Тебе ведь завтра рано вставать.

Ци Юань нехотя отстранился. В серебристом свете луны на его щеках проступил нежный румянец. Оказывается, объятия объятиям рознь.

Вернувшись в номер, актер едва успел коснуться постели, как зазвонил телефон. Увидев имя на экране, он не сдержал радостной улыбки и после третьего гудка принял вызов.

Голос Цинь Шу звучал так же, как и он сам — спокойно и надёжно:

— Не забудь принять лекарство.

— О-о, — Ци Юань разочарованно протянул гласную. Он-то надеялся на что-то другое, а не на напоминание о микстуре.

Цинь Шу, кажется, не заметил его досады и продолжал в том же духе:

— И не пей слишком много за раз.

— С тобой я чувствую себя не парнем, а твоим пациентом, — пожаловался актер.

В трубке раздался тихий смешок, от которого у Ци Юаня потеплело в груди.

— Я просто хотел лично пожелать тебе спокойной ночи, — признался Цинь Шу.

Губы Ци Юаня сами собой расплылись в улыбке. Он начал бесцельно крутиться на кровати, и голос его стал совсем мягким:

— Доктор Цинь, а это лекарство точно нужно принимать?

— Нужно. И не забудь использовать подарок, который я тебе вручил, — «доктор» Цинь проявил непреклонность, за которой скрывался тонкий расчет.

— Ой, беда... Подарок-то остался у сестрицы Сяоя. Как же быть? Может, доктор подскажет выход?

— Ничем не могу помочь, — отрезал Цинь Шу.

Ци Юань не видел его лица, но легко мог представить это выражение непоколебимого спокойствия. Он подошел к столу, включил громкую связь и отложил телефон. Стеклобанная крышка банки звякнула о столешницу.

— Раз ложки нет, придётся импровизировать, — промурлыкал актер.

В следующее мгновение Цинь Шу услышал странные звуки: причмокивание и тихие, влажные глотки. Он резко отвёл телефон от уха, словно тот превратился в опасного зверя. Цинь Шу понимал, что Ци Юань делает это нарочно, но мысли против воли потекли в совсем ином направлении, подхлестнутые невидимым током.

Ци Юань с наслаждением посасывал трубочку, не забывая при этом рассыпаться в комплиментах:

— А у тебя талант, просто объедение.

Вдоволь подразнив партнёра, он наконец выключил громкую связь. Его собственные уши теперь пылали не меньше, чем у собеседника.

Цинь Шу с облегчением выдохнул, стараясь придать голосу твёрдость:

— Не ешь много, желудок заболит.

Ци Юань что-то невнятно пробурчал в ответ. Наконец этот бесконечный разговор перед сном был окончен.

Взгляд актера упал на использованную трубочку в мусорной корзине, на которой играли холодные блики света. В голове некстати всплыл образ длинных, изящных пальцев Цинь Шу. Осознав, о чём он думает, Ци Юань выругался вполголоса. Он поспешно выключил ночник, погружая комнату во тьму, где и злосчастная трубочка, и его мысли наконец скрылись из виду.

Немного полежав в тишине, он снова потянулся к телефону и зашёл в приложение «Ланьмао». Лицо его в призрачном свете экрана становилось всё более серьёзным, пока он листал бесконечные комментарии. Улыбка постепенно исчезла из его глаз.

Спустя некоторое время Ци Юань выложил на своей странице тот самый рисунок персонажа, созданный Цинь Шу.

«Мой парень нарисовал это для меня, зацените. Не благодарите», — гласила подпись.

Сделав это, он с чувством выполненного долга залез под одеяло и мгновенно уснул, совершенно не заботясь о том, какой шторм вызовет его пост.

Ци Юаня разбудил резкий звонок. Он нащупал выключатель и взглянул на часы: четыре утра. На экране светилось имя менеджера. Если Мэн Сяо звонит в такое время, значит, случилось нечто серьёзное.

подавив раздражение, актер принял вызов. На него тут же обрушился шквал негодования:

— Ци Юань! Что это за фотографии в сети?!

— Дядя, я спать хочу... — пробормотал он.

Мэн Сяо поперхнулся. Обычно от этого племянника дождётся вежливого «дядя» только по большим праздникам, и этот кроткий тон мгновенно сбил пламя его гнева.

— Я всю ночь терпел, чтобы не позвонить тебе сразу, — уже спокойнее произнёс менеджер. — Имел бы совесть.

— Угу, я знаю, что ты меня любишь, — сонно пробормотал Ци Юань.

Но Мэн Сяо не собирался сдаваться:

— Не пытайся зубы мне заговаривать. Что это за снимки? Зачем ты выкладываешь всё подряд? Ты вообще помнишь, что ты звезда первой величины?

Ци Юань потёр виски и лениво отозвался:

— Формально говоря, я всего лишь актёр.

Мэн Сяо лишь фыркнул от такой наглости.

— Ты решил, что отделу пиара слишком скучно живётся? И что у вас там вообще с этим Цинь Шу?

— Дядя, в своём посте я использовал исконное письмо государства Юй. К тому же, ты наверняка уже допросил Мэн Ши и остальных.

Мэн Сяо раздражённо взъерошил волосы. Мальчишка видел его насквозь.

— Раз ты такой умный, то должен понимать, к каким последствиям приводят такие новости. Сколько лет ты в профессии, а безрассудства только прибавляется!

Узнав вчера о публикации в «Синем коте», Мэн Сяо первым делом хотел набрать номер Ци Юаня, но передумал и позвонил помощникам. Парню уже двадцать четыре. Если у него завяжутся стабильные отношения, это может пойти ему на пользу, хотя бы облегчит течение его недуга. При правильном подходе это помогло бы сменить имидж и избавиться от клейма «распутного павлина».

Пока он молод, фанаты в восторге от его образа бунтаря и ловеласа. Но пройди ещё года четыре — и такое поведение назовут вульгарным и напыщенным. Сейчас его дерзость — это «алая роза на сердце», но стоит этому образу примелькаться, и он превратится в «пятно засохшей крови», вызывающее лишь брезгливость.

Менять ампула нужно было постепенно и осторожно, а Ци Юань в своём репертуаре: взял и перевернул доску, наплевав на все правила.

Всю ночь менеджер и весь отдел по связям с общественностью не смыкали глаз, отслеживая реакцию публики и боясь, что карьера их главной звезды полетит в тартарары. Но то, что он увидел, заставило его усомниться в отчётах своих подчинённых. Ситуация приняла совершенно неожиданный оборот.

Интернет действительно гудел, но вовсе не так, как они ожидали. Пользователей куда больше занимал сам факт того, что Ци Юань вообще способен на серьёзные отношения, нежели личность его избранника.

В то же время в сети всплыло название «Шуюань СР». Среди множества экранных пар актёра эта внезапно выбилась в лидеры и предстала перед широкой публикой. И тут же была поднята на смех.

Фанатов можно было понять: у Ци Юаня было столько выдуманных романов, что они просто скрестили имена, получив «Шуюань» — слово, которое в языке Юй означало «отчуждение». Из-за того, что пара была совсем новой, поначалу её поддерживала лишь горстка людей. Но стоило самому Ци Юаню подтвердить их статус, как на фанаток обрушился шквал насмешек — мол, вы плохие поклонницы, раз дали своему кумиру такое злое название.

Досталось и авторам ежегодного рейтинга «Топ-10 главных обманов года». Их многолетняя репутация рухнула в одночасье. Пользователи буквально завалили официальные страницы издания требованиями выполнять работу честнее и не нести околесицу с серьёзным лицом.

Слушая пересказ ночных событий, Ци Юань окончательно проснулся. Вчера, когда Ван Сяо прислала ему ссылку на новости, в душе у него поселилась тревога. Даже когда люди из съёмочной группы подтверждали их отношения фактами и фотографиями, почти никто не верил — всё списывали на очередной розыгрыш или мистификацию.

Он слишком хорошо знал, как работает этот мир. Если оставить всё как есть, потом ему никто не поверит, даже когда он будет кричать о правде. Если их связь с Цинь Шу не признают официально, не найдётся ли кто-то, кто попытается увести у него художника?

Сама мысль об этом заставляла его сердце сжиматься. Он отчаянно хотел намертво связать имена «Цинь Шу» и «Ци Юань» в сознании людей, чтобы при упоминании одного все сразу вспоминали о другом. Вчера он опубликовал пост без капли сомнения. Увидев, насколько Цинь Шу талантлив и благороден, он лишь сильнее захотел удержать его. Разлучить их теперь сможет только смерть.

Мэн Сяо не понимал этих тонких метаний, но, услышав официальное подтверждение их романа, не удержался от наставлений:

— Ци Юань, вы ведь едва знакомы. Даже если он тебе нравится, нужно было время присмотреться. Выставлять всё напоказ так быстро — это чистой воды импульсивность. Впредь думай трижды, прежде чем что-то делать.

— Я сам разберусь, — отрезал актер. — Занимайся своими новичками и не лезь не в своё дело.

Мэн Сяо уставился на гудящий телефон. Когда нужно — «дядя», когда нет — «не лезь». Попользовался и выбросил — в этом весь Ци Юань.

Актер больше не ложился. Съёмки начинались рано, и ему пора было собираться. Быстро приведя себя в порядок, он уже дошел до двери, но внезапно вернулся. Он сделал макроснимок стеклянной банки на столе и тут же выложил его в сеть.

«Горло побаливает, спасибо любимому парню за сироп из мушмулы», — гласила подпись.

Ци Юань не оставил фанатам ни единого шанса на сомнение. Слово «парень» красовалось в самом центре, чтобы каждый знал: теперь он официально несвободен.

Едва ступив на съёмочную площадку, Цинь Шу почувствовал, что атмосфера сегодня наэлектризована. Сотрудники провожали его то заговорщицкими, то любопытными взглядами. Было ясно: пока его не было, что-то произошло.

В центре площадки уже вовсю шла работа. Сегодня Ци Юань снимался в общих сценах с Яо Иханем и Сяо Цяньфэном.

Яо Ихань играл старшеклассника по имени Чжоу Най, который по воле случая знакомится с Ли Паньшанем. Позже герой приезжает в городок на поиски родственников и снова встречает Ли Паньшаня, догадываясь о его истинных целях. Но в тот момент, когда юношу охватывает азарт открытия, его ждёт сокрушительный удар судьбы.

В утренней сцене Ли Паньшань покидал убежище подозреваемого и буквально сталкивался с Чжоу Наем. Между ними мгновенно вспыхивало взаимное недоверие. Чжоу Най пытался

задержать его, требуя объяснений, и их спор поднимал лай собак. На шум выходил главный антагонист, Тан Чао. Увидев, как его давно потерянный брат ругается с каким-то юнцом из бара, он проникнулся подозрением.

Ситуация накалялась до предела. Под тяжелым взглядом Тан Чао Ли Паньшань решал рискнуть и поставил всё на чистоту души подростка. Чжоу Най, получив скрытый знак от героя, мучился сомнениями. А Тан Чао, хоть и обрел брата, не мог заглушить в себе голос осторожности.

Долг и дружба, свет и тьма — актёрам нужно было передать этот сложнейший клубок чувств через мимику и скупые жесты. Небо уже начало светлеть, а работа всё продолжалась.

В обычных сценах Яо Ихань держался неплохо, но там, где требовалась настоящая глубина, он пасовал. Под двойным давлением талантов Ци Юаня и Сяо Цяньфэна новичок раз за разом запарывал дубли.

Режиссёр снова скомандовал «стоп».

— Учитель Ци, учитель Сяо, сделайте одолжение — помогите малому, наставьте на путь истинный.

Сяо Цяньфэн лишь пожал плечами, глядя на Ци Юаня. У него не было ни малейшего желания возиться с молодёжью. Актер, привыкший к таким просьбам, вздохнул и согласился.

Раньше главной проблемой Яо Иханя была излишняя театральность, но сегодня он и вовсе казался сам не свой. Весь утро Ци Юань фактически выступал в роли его тренера, и это начинало его раздражать. Впрочем, помня, что странное поведение Яо могло быть вызвано его недавним отказом, он продолжал терпеливо разьяснять тонкости сцены.

Заметив появление Цинь Шу, Ван Сяоя тут же поспешила к нему. Она внимательно вглядывалась в лицо художника, но тот оставался всё таким же невозмутимым и статным, точно благородный господин, случайно зашедший в балаган.

Пока она подбирала слова, Цинь Шу заговорил первым:

— Помощница Ван, что-то случилось?

— Господин Цинь, вы заглядывали сегодня в «Ланьмао»?

Цинь Шу всё понял. Он достал телефон и зашёл в приложение. Это был его рабочий аккаунт,

которым он пользовался крайне редко, и в подписках у него значилось всего несколько человек.

Увидев количество уведомлений — более двухсот тридцати тысяч — художник невольно вздрогнул. Хорошо, что он догадался отключить личные сообщения, иначе телефон бы просто взорвался.

Последнее, что он публиковал, была реклама арт-выставки «Ядэн», и с тех пор он сюда не заходил. Теперь же под постом бурлило море комментариев. Цинь Шу бегло просмотрел их. Кто-то вопрошал о правдивости их романа с Ци Юанем, сетуя на отсутствие ответной реакции; кто-то выстраивал целые теории заговора, пытаясь доказать, что это фейк. Были и те, кого привлекли его наброски — люди интересовались ценой и возможностью заказать портрет. В комментариях кипели споры, приводились доказательства, а большинство просто «столбило место», обещая стать постоянными гостями страницы.

Цинь Шу закрыл комментарии, нашел профиль Ци Юаня, нажал «подписаться» и поставил лайки под двумя последними записями. Он делал всё это не спеша и с таким спокойствием, что Ван Сяоя окончательно запуталась. Она знала, насколько закрытым был этот человек, и теперь, когда он из-за Ци Юаня оказался в самом центре медийного шторма, она боялась его недовольства.

Но Цинь Шу не чувствовал злости. Его партнер любил выставлять чувства напоказ — за десятилетия он к этому привык, просто на этот раз сцена оказалась чуть масштабнее обычного.

Когда дубль наконец был снят, Ци Юань первым делом отыскал взглядом Цинь Шу. Образ Ли Паньшаня мгновенно слетел с него, и походка стала легкой и летящей.

Художник внимательно осмотрел его. Заметив тени под глазами, он понял, что актер почти не спал. Следующая сцена была только через два часа.

— Сначала завтрак, — Цинь Шу взял его за руку и повел к выходу, — а потом поспишь немного.

Ци Юань посмотрел на их сцепленные руки и, сияя от счастья, последовал за ним. Позади них Яо Ихань, глядя на эту идиллическую картину, до боли сжал кулаки.

— Сяо Яо, иди перекуси, — окликнули его.

— Уже иду, — отозвался тот, не сводя глаз с уходящей пары.

В салоне трейлера было уютно. Цинь Шу неторопливо расставлял еду из термосов, а Ци Юань сидел рядом, не сводя с него сияющего взгляда.

Художник не выдержал и улыбнулся:

— Чего светишься? Есть не хочешь? Садись давай.

Ци Юань смотрел на две пары палочек на столе и словно пребывал в забытьи. Послушно сев, он принялся помешивать густую кашу. Аромат разваренной крупы был таким домашним и уютным, что от одного запаха на душе становилось теплее.

Каждый второй кусочек сопровождался взглядом на Цинь Шу. У него теперь есть парень. Парень, который так заботлив и внимателен. Казалось бы, сухарь и истукан, но ради него он бросил всё и приехал на край света. Он дарит ему самые теплые объятия, полночи болтает с ним по телефону, а утром кормит домашним завтраком. Пустота в душе затягивалась, а холодные тени, прятавшиеся в глубинах памяти, без следа растворялись в лучах июньского солнца.

Когда Ван Сяоя заглянула в трейлер за вещами, там царила тишина. Пройдя вглубь салона, она увидела их — Ци Юань и Цинь Шу спали, уютно прижавшись друг к другу.

Ассистентка замерла, а затем бесшумно, стараясь не потревожить их покой, закрыла дверь.

За окном на ветках заливались птицы, в утреннем воздухе лениво покачивались ивовые косы. Июньский Фэнпин и впрямь был чудесным местом.

<http://bllate.org/book/16121/1589035>